

твердых государственных понятиях и был далек от развиваемой им в последующих книгах Политики мысли о существовании разнovidностей в пределах каждой из шести выделенных им форм. Отсюда делается вывод: описание разных видов царской власти могло быть сделано и вставлено в III книгу уже после написания книг IV—VI. Браун справедливо возражает, что классификация шести форм правления отнюдь не предполагает игнорирования реальной действительности с ее многообразием; в III книге имеется достаточное количество прямых ссылок на исторические факты, не говоря уже о том, что и не снабженные историческими ссылками положения Аристотеля предполагают хорошее знакомство с государственным порядками прошлого и настоящего.

О последней главе III книги Браун замечает, что она является самой короткой и вместе с тем вызывающей больше всего вопросов (стр. 235). В конце главы (т. е. в конце книги) находится обещание: «следует уже пытаться говорить о наилучшем государственном устройстве (περί τῆς πολιτείας... τῆς ἀρίστης), каким образом оно появляется и организуется» (1288b, 2 сл.). Это обещание не выполняется в ближайших книгах. Описание наилучшего, с точки зрения Аристотеля, государственного строя находится, как известно, в книгах VII—VIII. Многие исследователи на этом основании переставляли две последние книги в середину трактата, помещая их между книгами III и IV. Другие, протестуя против такой перестановки, искали объяснения факту отступления Аристотеля от им же самим намеченного плана. Браун идет и здесь своим собственным путем (стр. 238 сл.). Он не видит в идеальном строе, изображенном в последних книгах Политики, ту ἀρίστη πολιτείαν, какой она могла рисоваться Аристотелю в III книге, где преимущество отдается монархическому и аристократическому устройствам, не совпадающим с идеальным устройством в книгах VII—VIII. Таким образом, нет прямого и гладкого перехода от книги III к книгам VII—VIII.

Очень удачно автор резюмирует на 34 страницах (стр. 247—281) все содержание своих предыдущих интерпретаций.

В конце книги помещены отпечатанные мелким шрифтом замечания, относящиеся к критике текста (стр. 283—292). Отметим те из них, которые представляются нам наиболее интересными.

1281a, 1 — Иммиш читает: πόλις δὲ ἡ γένων καὶ κοινὴ κοινωνία ζωῆς τελείας καὶ αὐτάρκους (χαρίν). Последнее слово добавлено Скалигером, который зато атетирует слово χάριν в строке третьей (в чем, впрочем, позднейшие издатели за ним не следуют). Браун не принимает поправки Скалигера, толкуя родительный падеж ζωῆς τελείας καὶ αὐτάρκους, как genetivus explicativus при κοινωνία — «сообщество из родов и деревень, обладающее совер-

шенной и самодовлеющей жизнью».

1281a, 41 — вопрос о том, что главенствовать в государстве должна народная масса, а не немногие «лучшие», мог бы быть, как кажется Аристотелю, разрешен — ὁβρεῖν ἂν λῦεσθαι. Этот последний глагол, засвидетельствованный здесь рукописным преданием и принятый в текст Иммишем, показался некоторым филологам сомнительным. Были сделаны попытки заменить его другими глаголами — λείπεσθαι (Ньюман), λέγεσθαι (Ричардс, Росс). Браун отвергает первую конъектуру, ссылаясь на то, что она, как видно из дальнейшего, снимая разбираемый вопрос, оставляет нерешенными другие. С полным основанием не принимается Брауном и вторая конъектура: простое λέγεσθαι не дает хорошего смысла; поэтому перед этим словом вставляют наречие εὖ, т. е. прибегают уже к более радикальному исправлению текста (по смыслу, как замечает Браун, скорее подходило бы λεκτέον). Рукописное чтение λῦεσθαι находит себе опору в стоящих ниже словах τῇ... ἀπορίᾳ λῦεῖν ἂν τις (1281b, 22), где тот же глагол поставлен в действительном залоге.

В разбираемом месте есть и другое слово, по поводу которого возникли споры. Сразу же после слова λῦεσθαι рукописи дают — καὶ τιν' ἔχειν ἀπορίαν, τάχα δὲ καὶ ἀλήθειαν «и содержит в себе некую апорию, а возможно, и истину». Вместо слова ἀπορίαν, непонятого в данном контексте, Виламовиц предложил чтение ἀπολογία, т. е. «оправдание», что дает уже вполне удовлетворительный смысл. Браун, видимо, искал способы защитить рукописную традицию. Контекст, говорит он, подсказывает здесь слово, обозначающее некое понятие, по отношению к которому ἀλήθεια является усилением; было бы хорошо, если бы в слово ἀπορία можно было бы вложить мысл «вероятность». За неимением желательных параллелей Браун вынужден примириться с конъектурой Виламовица.

1283a, 20 — оправдывая стремление благородных, свободных и богатых к занятию почетных должностей, так как на занятие их должны претендовать люди свободные и платящие налоги, Аристотель добавляет к этому, что требуется также справедливость и воинская доблесть δέι... καὶ δικαιοσύνης καὶ τῆς πολέμικῆς ἀρετῆς. Слово πολέμικῆς засвидетельствовано частью рукописей, другая часть дает πολιτικῆς. Иммиш принимает чтение πολιτικῆς. Решительно высказывается в пользу этого чтения и Браун, напоминая о том, что справедливость входит в состав политической доблести, а потому и не может быть поставлена с ней рядом, тогда как понятия справедливость и военная доблесть не покрываются одно другим.

В заключение следует сказать, что значение книги Брауна определяется той позицией, какую занимает автор в нашем уже больше столетия (если не считать отдельных ранних высказываний)

споре о состоянии текста Политики Аристотеля и, в частности, III ее книги. Хорошая сохранность текста, стройное развитие мысли, отсутствие убедительных доводов для перестановки книг Политики — вот те основные положения, которые развивает в своем глубоко продуманном комментарии Эгон Браун, этим самым давая

мощное подкрепление тем, кто, подобно ему, не признает выводов, сделанных представителями гиперкритического направления, которые с излишней подозрительностью подходят к рукописному тексту Политики Аристотеля.

А. И. Доватур

A. VERGER, *Ricerche giuridiche sui papiri aramaici di Elefantina*, Università di Roma, Centro di studi semitici, Studi semitici, 16, Roma, 1965, 225 стр.

Книга итальянского семитолога и юриста Александро Вержера посвящена в основном некоторым юридическим аспектам арамейских папирусов V в. до н. э., происходящих из иудейского военного поселения на Элефантине, но не ограничивается лишь этой темой. Автор дает здесь также весьма ценный историографический обзор публикаций и изучения арамейских папирусов из Египта вообще и непревзойденную библиографию вопроса как в специальном приложении (стр. 197—219), так и в I—II главах своего труда. Именно поэтому данная монография может служить и введением к ожидаемым публикациям арамейских острак (коллекция Ш. Кирмбы-Ганно) и папирусам из Гермополя, появление которых в печати ожидается в скором времени.

В I, вводной главе (стр. 13—35), помимо общей характеристики предмета дана история находок, раскопок и издания арамейских папирусов и острак из Элефантины, а также освещен общий вопрос о соотношении римского и древневосточного права.

Во II главе (стр. 37—78) дан очерк истории Египта V в. до н. э., периода господства Ахеменидов. Особое внимание уделяется здесь тем местам, откуда происходят источники на арамейском языке: Сиене (Элефантина), Гермополис, Фиваи, Мемфису, Мигдолу. Далее следует изложение в хронологическом порядке данных о персидской администрации в Египте начиная с его завоевания Камбисом (525 г. до н. э.) вплоть до Артаксеркса II (404—398 гг. до н. э.), во время правления которого в Египте воцарился фараон Амиртей. В связи с этим А. Вержер приводит все данные арамейских папирусов, имеющих значение для изучения политической истории Египта. Вслед за этим автор излагает порядок гражданской и военной организации иудейской колонии в Элефантине; как и большинство исследователей автор относит основание этого поселения к концу VII — началу VI в. до н. э. Касаясь вопроса

чередования терминов *yhwdy* «иудей» и *gmy* «арамей». А. Вержер убедительно доказывает, что первый термин относится только к людям, исповедующим иудаизм, а второй охватывает более широкий круг лиц, говоривших по-арамейски, что не исключает, однако, вхождения в число обозначаемых термином «арамей» и первой группы, т. е. арамеоязычных иудеев. Автор отмечает, что у нас нет данных об этой иудейской колонии после 401 г. до н. э., однако вполне обоснованно отказывается делать какие-либо окончательные выводы о судьбе поселения после этого времени.

Дальнейшее изложение касается уже юридических вопросов. В III главе (стр. 79—104) рассматривается характер и формуляр юридического документа из Элефантины. Автор приходит к выводу, что надписи на печатях составлялись по египетскому образцу, но в то же время вступительные формулы документов в основном, насколько можно судить по данным Библии, зависят от таковых в дополненной Иудее, и нашли свое дальнейшее развитие в иудейских документах II в. н. э. из Вадди Мурабба'ата. В качестве основных составных частей документа автор выделяет: а) датировку, б) имена сторон, в) условия документа, г) имя писца, д) имена свидетелей. Хотя документы явно составлены по переднеазиатским образцам, обнаруживая большое сходство с нововавилонскими, в них отразились и отдельные особенности египетских юридических актов.

Исследованию брачного контракта по папирусам Элефантины посвящена глава IV (стр. 105—130). Разбираются его формулы, анализируются случаи левиратного брака и развода по документам из Элефантины. Важно наблюдение автора, что мы не имеем еще здесь развитого до конца формуляра брачного контракта более позднего иудаизма, хотя отдельные элементы такового уже заметны.

«Прочие виды контрактов» разбираются в главе V (стр. 131—140); они касаются в

основном вопросов купли-продажи и заемных сделок. VI глава (стр. 141—178) посвящена рабству. Автор рассматривает этот вопрос не только по документам Элефантины, но и привлекает данные книг Эзры и Нехемии, а также другие источники ахеменидского времени. А. Вержер сделал интересное наблюдение, что по данным этих книг на 42 360 свободных, возвратившихся из вавилонского плена иудеев, приходится лишь 7337 рабов. Переходя к источникам рабства, автор говорит а) о рабах-военнопленных; б) о купленных иноземцах; в) о потерявших свободу должниках и г) о порабощенных за кражу ворах. Касаясь собственно документов Элефантины, говорящих о рабстве, автор указывает на их малочисленность и утверждает, что здесь рабство большой роли не играло. В то же время он указывает и на наличие рожденных в доме рабов. Встречались и такие явления, как формальное усыновление ребенка рабыни (!) и соизвещающее этому освобождение от рабства. Все это напоминает юридическую практику Месопотамии.

Заключительная глава посвящена организации процесса (стр. 179—193). Автор устанавливает наличие в Сиене «царских судей» (дупу mlk'), иногда персов, равно как и связанных с судом других должностных лиц.

Как мы уже указывали, библиографическое приложение к гл. I—II и в конце книги является едва ли не самой ценной ее частью. Поэтому нам хотелось бы указать, что А. Вержер, упомянув одну из работ акад. В. В. Струве по папирусам из Элефантины¹, не указывает других важных русских² и советских работ в этой области³, даже важную работу И. Н. Винникова — его словарь к арамейским надписям⁴. В целом рассмотренная книга является прекрасным пособием для изучения арамейских документов из Египта.

М. Л. Гельцер

¹ W. Struwe, Zur Geschichte der jüdischen Kolonie von Elephantine, ИАН, 6 серия, т. XX, 1926, № 5—6, стр. 445—454.

² И. М. Волков, Арамейские документы иудейской колонии на Элефантине V века до Р.Х., М., 1915.

³ В. В. Струве, Подлинная причина разрушения иудейского храма на Элефантине в 410 г. до н. э., ВДИ, 1938, № 4, стр. 99—119.

⁴ И. Н. Винников, Словарь арамейских надписей, ПС, III, 1958, стр. 171—216; IV, 1959, стр. 196—240; VII, 1962, стр. 192—237; IX, 1962, стр. 141—158; XI, 1964, стр. 189—232; XIII, 1965, стр. 217—262.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО ПОВОДУ ПЕРЕВОДА КНИГИ З. МАЙЯНИ «ЭТРУСКИ НАЧИНАЮТ ГОВОРИТЬ»

(Письмо в редакцию)

«Как рассказать об открытии, которое может показаться невероятным: о расшифровке небольшого числа этрусских слов и надписей? Я должен изложить в этой книге много нового, а это новое по самой своей сущности часто поражает и иногда ставит волнующие проблемы». Таким обещанием начинается З. Майяни свою книгу «Этруски начинают говорить»¹.

Книга эта, действительно, поражает и волнует, но совсем не так, как хотелось бы ее автору. О ничем не сдерживаемой произвольности его умозаключений могут свидетельствовать следующие примеры:

Стр. 139: «krap (этруское. — А. К., В. Н.) это албанское pgrāpē, неправильный глагол „есть“, а также „еда, пища“... Начальное p не исчезает в этом албанском слове..., но, по всей видимости, оно исчезало в этруском языке. Туски, недурные

едоки, так часто употребляли это слово, что съели его первую букву!».

Будучи не в состоянии дать хоть какое-то объяснение, Майяни обращается к своему «остроумию», которым он, кстати, неоднократно пользуется на протяжении всей книги.

Одним и тем же словом у Майяни оказываются формы vinum, en, in (стр. 145) и evni (стр. 148).

Стр. 107: «(этр.) сагаθ... происходит от древнего, хорошо изученного индоевропейского корня garad и т. д.». До сих пор считалось, что этот корень имел вид *gher-.

Стр. 124: «E91, видимо, можно разделить на e и θ 1, где e будет указательной или любой другой частицей (курсив наш. — А. К., В. Н.)... Часто они (т. е. частицы. — А. К., В. Н.) запутывают положение до такой степени, что хочется присоединиться к одной из „ученых женщин“ Мольера, которая, упрекая „эти мерзкие частицы“, которые рассеяны во всех языках, восклицает, что „они уродуют самые красивые слова“. Снова тот же юмор, призванный заменить доказательства».

¹ З. Майяни, Этруски начинают говорить, пер. с франц. Ю. А. Богуславской, ред. и предисл. Л. А. Ельницкого, М., «Наука», 1966, 335 стр., тираж 2300 экз., ц. 1 р. 32 к.

Стр. 267: «vel9re распадается на vel и 9re; vel, скорее всего, находит свое объяснение в индоевропейском корне vel, от которого происходит славянское vele „много, большой“, русские „великий, великан“ и немецкое viel — „много“». В том же месте Майяни ссылается на «Этимологический словарь» Вальде и Покорного². Действительно, мы там находим индоевропейский корень *cel-, от которого происходят указанные выше славянские слова; но немецкого viel там нет и быть не может, так как оно восходит к корню *rel-.

Стр. 95: «Spura значит „город“ — вероятно приходит на ум славянские слова „сбор, собор“». На самом деле «сбор», «собор» происходят от индоевропейского корня *bher- и этрусское spur здесь совершенно ни при чем.

Автор дает толкование и некоторым мессапским надписям, в частности надписи № 77 (по хрестоматии Пизани): «в первых словах надписи говорится о пожертвованном предмете: plastas moldat9ehiai... Эти слова считались недоступными пониманию. Заметим, однако, что по-албански pullas „крыша“ ..., mullezë — „вяз“... Не пожертвовала ли храму эта велекодушная мессапийка превосходную кровлю из древесины вяза?» (стр. 302). Несмотря на то, что Майяни, видимо, этого не знает, давно уже установлено, что эти слова являются именами собственными в форме родительного падежа³.

Автор обнаруживает плохое знакомство с содержанием Игувийских таблиц, когда пишет: «Это семь бронзовых пластинок (50 × 30 см), на которых выгравирован текст с помощью оскско-умбского алфавита, хотя есть и резюме латинскими буквами» (стр. 303). Оставляя «оскско-умбский» алфавит на совести автора, а «гравирование текста с помощью алфавита» — на совести переводчика, заметим только, что так называемое резюме по своему объему равно оригиналу: явная неуязка.

Стр. 145: «Tessin — это, конечно, то же самое, что tisein... Вместо tisa мы видим tes. Это еще раз доказывает, что в области орфографии этруски были дикими индивидуалистами и делали с ней, что хотели». На стр. 152 автор пишет, что ipi=eri, и видит в этом «новое доказательство „эластичности“ этрусской орфографии». Прием более чем странный: объяснять особенности орфографии чертами национального характера.

Любопытна методика дешифровки Майяни. Стр. 286: «... Все зависит от слова sane. Сначала я подумал об албанском глаголе shaj — „вдыхать“. Его аорист — shana... В таком случае смысл второй фразы

будет: „(Одни) вздохнули человеку здесь“. Но свойствен ли этрускам такой пессимизм?». Майяни решает, что нет. «По-осетински (!) „вино“ — saena. Мы можем пока принять для слова sane значение „вино“» (курсив наш. — А. К., В. Н.). Другой пример: «Я снова открыл словарь. Я сказал себе очень убедительно: ENQT, ENGD, NKT, NGD. Вот позвоночник того слова, которое мне нужно распознать. Только это, а все остальное — лишь украшения» (стр. 54). Гласные — украшения; действительно, комментарии излишни. Иногда автор может преподнести читателю и такую «шутку»: «К столу этрусских чревоугодников требовалось не более не менее как: „Еще раз мясо в сметане!“ О! Какое сочное блюдо... для этрускологов, питавшихся до сих пор лишь шипящими и свистящими и доисторическим субстратом» (стр. 135). Приведенные примеры еще раз показывают, насколько необоснованы и натянуты построения Майяни.

Далее. Ирония автора по поводу толкования Бреалем умбского слова utur (стр. 233) несколько запоздала: книга Бреалья написана в 1875 г., но уже со времени появления грамматики фон Планта (1892—1897) это слово переводится как «вода». Таким образом, Майяни не только не совершает никакого открытия, но и обнаруживает незнание специальной литературы, в том числе и работ часто цитируемого им Пизани.

Слова из различных языков Майяни приводит в весьма своеобразной орфографии: например, хет. šipand — вместо šipant (стр. 239), лит. oshti (?) (стр. 307), санскритское givas вместо jivāh, лит. givas вместо gūvas (стр. 249).

Но достаточно об авторе. Перейдем к переводчику. Претензии к нему можно предъявить по двум основным пунктам: 1) ошибки во французском языке, 2) неверный перевод специальных терминов.

По пункту первому: «М.» перед фамилией во французском языке значит Monsieur. Поэтому, М. Pisani — это не М. Пизани, а господин Пизани; зовут же его Витторе, следовательно: В. Пизани. То же самое можно сказать и о М. Шапутье (стр. 176). Между прочим в сноске на этой же странице он F. Chapouthier, а на стр. 318 этот автор, наконец, именуется Ф. Шапутье. Слово colonne означает не «колонна» (стр. 307), но «столбец», «абзац». «Розы Жерико» (стр. 114) — это «Розы Иерихона». Что касается неверной передачи терминологии, то можно привести следующие примеры: стр. 94: «царь альбанов» вместо «альбанцев»; стр. 219: название города «Фалерии», наряду с правильным «Фалерии» на стр. 156; стр. 307: «готское» вместо «готское»; стр. 56: «полупассивная форма» вместо «медиопассивная форма». На стр. 66 утверждается, что переход br, dr, gr в pr, tr, kr, это — «смягчение» согласных, не такое явление всегда называлось оглушением.

² Walde — Pokorny, *Vergleichen des Wörterbuch der indogermanischen Sprachen*, I, Lpz, 1928, стр. 295 сл.

³ V. Pisani, *Le Lingue dell' Italia antica oltre il Latino*, Torino, 1964, стр. 239.